

План Воздуха, где обитают владыки джиннов, представляет собой огромный небесный простор без дна и потолка. Там нет светила, день и ночь сменяются каждые двенадцать часов, и всегда царит лето. Летающие острова, куски тверди, где проживают создания Плана, подобно облакам, куда-то плывут. И вместе с ними же, гигантскими ватными великанами, создают картину присущего плану беспорядка.

Есть несколько типов островов. Владения элементарей – там духи воздуха накапливают силу, питаются. Они не рождены, подобно смертным, у тверди, но иногда удобная платформа становится местом для отдыха. Второй тип островов – города рабов. Там живут и умирают захваченные с других планов существа и их потомки. Огромные города растут до пределов ширины острова, а потом растут ввысь, после чего превращаются в осиные гнезда. Не всякий элементарь или джинн рискнет без охраны вторгнуться в обиталище рабов. Наконец, третий тип островов – дома султанов. Резиденции джиннов и их роскошные дворцы. Мой дом.

Мать дала мне имя Эрон, в честь своего дьявольского предка Эронна Адская Плеть. Отец же прозвал меня Эгис. Защита. Я родился от союза двух разных племен, племени Законного Зла и племени Хаотичного Зла, после чего был провозглашен наследником Фариса ибн Шафара, султана одного из величайших семейств джиннов.

С самого детства я отличался от иных джиннов. Большие рога – признак связи с дьяволами выделял меня среди сверстников. Сначала это вызывало ненужное внимание и любопытство, а потом, много лет спустя, страх и раболепие. Твердые, как адамант, наросты стали символом моей коронованности. Триумфа перед остальными по праву рождения и избранности.

Отношения с матерью у меня не задались. Дьяволица признавала во мне наследника и дитя, но особенность мировосприятия исчадия подарило маленькому Эрону совсем не любовь. Уважение, равенство – Болейн считала, будущий правитель Воздушного плана достоин только этих чувств, потому относилось ко мне холодно и отчужденно. С другой стороны, только она являлась преданнейшим союзником, учителем и товарищем.

Там, где иные берегут дитя и закрывают то от любых опасностей, Болейн научила преодолевать и бороться с ними. Шутка ли, я обучился колдовству спустя тысячу ночей от рождения. И пусть юные джинны могли не меньше моего, я все же родился полукровкой.

Болейн обучила меня владению хлыстом и трезубцем, в ее уроки входила география, история, биология и естественные науки. Умение находить подход к каждому передались от нее вместе с хитростью и подвешенным языком. Она многому меня научила. Потом за меня взялся отец.

Султан небесных планов, господин воздушных элементарей и дженази Фарис ибн Шафар дал то, чего я не получил от строгой матери. Искренняя любовь. Великий джинн видел во мне наследника не только накопленных сокровищ, но и знаний, мечтаний. Желаний. Огромный в истинном обличье, я никогда не дотягивал макушкой до его колена, Фарис ибн Шафар хранил гигантскую жажду знаний. Среди множества благородных джиннов его библиотека считалась лучшей из-за хранящихся там драгоценностей. Будь то мемуары великого писателя или открытия безумного Бога Магии, отец собирал их отовсюду, после чего они занимали его время на долгие дни. А затем переваренные знания вливались в меня.

Когда прошла сотня лет от моего рождения, отец и мать позволили мне отправиться к рабским островам. Вместе с охраной из десятка избранных воинов-дженази я оказался в одном из Полисов невольников. И меня восхитила их культура.

С упоением я рассматривал архитектуру города, состоящую из смешанных зданий разных

народностей. До глубины души меня поразили эпос рабов, которые за тысячи лет на Плана Воздуха собрали новый этнос. Представления и ритуалы, обряды и привычки – меня поглотила сказка невольного народа.

Я провел декады дней среди рабов, прежде чем моей жизни начала угрожать опасность. Из Полиса пришлось бежать, но в сердце теплилась надежда вернуться к смертным, чтобы снова окунуться в их безумные развлечения. И мне удавалось изредка выбраться к невольникам, где я проживал с ними скоротечные дни.

Традиция считать года в смертном исчислении пришла оттуда. Мне отстегнуло время триста лет, за которые удалось отточить мастерство во владении науками и колдовством. Отец передал часть силы, которая слилась со мной и поддалась воздействию. Пусть я не мог подобно чародеям отмерять крупницы силы, чтобы создать легкое дуновение магии, зато быстро восстанавливал утраченное. Я аккумулировал. Я был и есть центр колдовства. И оттого становился специфичным мой опыт сражений с матерью или учителями.

Мне приучили сражаться быстро и точно. Не из-за экономии сил, а из-за их быстрого расхода. В пару заклинаний. Неважно, какая цель – очаровать противника или убить его – я не медлил. Если враг рядом, я фехтовал. Если далеко, стрелял. И однажды это спасло мне жизнь.

Когда я мастерил скульптуру героя из эпоса невольного народа, в мою резиденцию ворвались рабы. Любимые мной смертные. Толпа где-то вооружилась, среди людей, орков, эльфов и аараккра виднелись доспехи и клинки оружейной избранной гвардии. Они восстали. Пробрались в казармы, вырезали гарнизон. За разъяренной, сошедшей с ума толпой тянулся след из убийств и насилия.

Меня внутренне потрясло. И челюсть свело. Никогда я не испытывал того странного жара в груди, который называют “Гневом”.

Этих смертных я не знал, видимо, пойманные недавно рабы перехитрили надсмотрщиков и вырвались на свободу. Гордый и вольный народ, совсем не тот, который полюбился мне. Они пришли, думая, что я являюсь местным Шахом. Требования, коими меня обложили смертные, оказались просты:

“Верните нам свободу! Дайте каждому мзду золотом по его весу за похищение. Иначе, клянусь Бахамутом, мы разнесем ваши дворцы и вырежем всех.” – Говоривший эльф возвышался над бунтовщиками на голову. Рослый и сильный, лидер носил украденный зеркальный доспех с позолотой, руки же его сжимали большую саблю.

Молча я подошел к нему, глядя на того сверху вниз. Открытая ладонь коснулась лба эльфа, после чего тот превратился в муравья. Насекомое отправилось куда-то прочь в бесконечность пределы острова, тогда как я вступил в схватку с рабами.

Выжили немногие. Их я с пристрастием расспрашивал о далеких землях, откуда тех похитили налетчики султаната. Сначала пленники, дрожа от страха, рассказывали какие-то мелочи, но с толикой магии мне открылись новые, будоражащие естество истории. Опьяненные колдовством рабы пели об огромном мире с множеством богов и с могучими духами. Потрясающе. Там были герои. Существовали расы рабов до того, как их поработили. Мир смертных находился в шаге от меня. Мир, наполненный чудесами, до которых нужно только добраться.

Все решилось за пару мгновений.

В тот же день я отправился к отцу в компании телохранителей. Восстание рабов продолжалось, бунты не успели стихнуть за то время, пока я общался с пленниками. Несколько раз приходилось вступать в бой, сражения застигали нас в кварталах дженази, где лились реки крови воинов и невольников. Мы преодолели те районы в спешке. У небесной пристани нас принял на борт корабль. Тот подвергся нападению в воздухе. Бунтовщики угнали солнечную галеру и попытались счастья в грабеже проплывающих кораблей. Прискорбно, но эти веселые ребята отправились бороздить бесконечные просторы нашего небосвода.

Дворец встретил нас спокойствием и роскошью. По дорожкам прогуливались джинны из мелких чиновников, в садах распускали хвосты птицы-павлины. Аромат цветов и благовоний заставлял нос трепетать. После долгого полета твердь казалась непривычной. Особенно после качки.

В сопровождении, слегка мотаясь из стороны в сторону, я дошел до главных ворот. Глаза окинули мраморные колонны. Про себя отметил, что на тех до сих пор пишут историю нашей семьи.

Гуляющий ветер обдул меня прохладным потоком. Поежившись, я прошел мимо охраны дворца, состоящей из янычаров в дорогих золотых юшманах. Те остановили моих телохранителей, а самого даже взглядом не одарили. Врата открылись. В лицо шибанул аромат раскуриваемых кальянов. Женский хохот и смех мягко коснулся слуха. Жаровни пекли кожу точно драконы свою жертву.

На лицо вырвалась улыбка от теплоты домашнего уюта. Глазами встретившись со слугами, дал им понять, чтобы мне принесли домашние одеяния. Лишь после этого, когда мой наряд вместо чадры и уличной накидки сменился на расписной халат, я направился к родителям.

Разговор предстоял сложный. Меня интересовал другой мир. Чужой мир. В то время, как я должен заниматься делами султаната и перенимать науку отца, меня потянуло в далекие края. Фарис ибн Шафар, хоть и разделял тягу к знаниям, был правителем. А правители никогда не упустят выгоды.

Зал, куда меня привели слуги, заполнили чаровницы и красавицы. Гарем отца, который тот практически не использовал по предназначению, стих. Женщины многих рас поклонились мне, да так и застыли фигурами почитания. У дальней от входа стены, на возвышении с подушками и одеялами, развалились мать и отец. Дьяволица кормила уменьшившегося до размеров человека султана ягодами и виноградом. Рядом с ними, чуть ниже, расположились дети – плоды кого-то из наложниц.

Отец заметил мое появление:

– Ах, наследник. – Басовитый голос прогремел под сводами. – Проходи. Я ждал твоего прихода.

На секунду я застыл в ступоре, но быстро взял себя в руки. Мягкие тапочки прошелестели по ковру. Когда рядом оказались дети наложниц, те не удостоились и взгляда. Все мое внимание отдавалось отцу.

Султан выпрямился. Могучая, увитая мышцами, фигура прикрывалась тонкой шелковой рубашкой черно-золотого окраса. В руках господина пускала дым трубка кальяна. Отец затянулся, выпуская наружу ароматного белого дракона. Тот взмахнул крыльями и врезался в меня, как когда-то в детстве.

- Ты встревожен. - Султан пригладил короткую прическу и бороду из белых волос. Толстые брови поднялись вверх. - Да твои руки пролили кровь!

- Господин, мое почтение. - Я поклонился, заметив одобрительную улыбку отца. - Я пришел к Вам с известием, что на ближайших островах поднялся бунт рабов.

Отец рассмеялся, а мать, чье красивое алое лицо ослепило меня хищной улыбкой, прищурила глаза:

- Надеюсь, ты подавил его? - Дьяволица точно пела мелодию. - Виновные наказаны?

Я замолчал.

Отец, чуть наклонившись в сторону матери, посмотрел на нее, а потом взгляд уперся в меня:

- Ты не справился с невольниками? - Точно переспрашивая конец шутки, султан приподнял бровь, всматриваясь в глубину души.

- Господин, - начал было я...

- Нет-нет-нет, наследник. Только одно из двух: "Справился" либо "Нет".

- Справился. - Я натянул безмятежную маску на лицо.

Султан оглянулся на супругу, но та лишь по-лисьи улыбалась.

- Наследник, - Он уперся головой о кулак, усаживаясь в то же время в позу лотоса. - Меня смущает твое отношение к делам государства. Разве ты не должен хранить покой в чертогах султана и в его владениях?

- Храню и буду хранить, господин.

-Тогда... почему я вижу, как на улицах моего города бродят бешеные собаки?

По щелчку пальцев отца в воздухе появилось изображение с улиц города. Кварталы дженази заполнили рабы, их змея двинула по дороге во дворец, откуда я успел сбежать. Прежде чем раствориться, иллюзия показала картины боев между стражей и рабами. Боев и их последствий.

Отец глянул на меня так, что проморозило каждую частичку тела. Конечности бессильно обвисли, а в поясице и затылке нервы стянулись в клубок.

- Господин, я никак не ожидал, что наша доблестная стража падет от руки жалких оборванцев.

- Эти оборванцы - воины, взятые в плен. Это убийцы, которых поймали за руку. Это головорезы, которых кинули в темницу и потом продали нам. В этой толпе полным полно тех, кто может перебить стражников. Ты должен был это предотвратить.

Я мысленно вздохнул.

- Раз так, то я немедленно исправлюсь, господин.

- Конечно, наследник. Когда разберешься, тогда и поговорим.

Корабль мигом поднял солнечные паруса, только я взошел на борт. Телохранители догадались, куда дует ветер. На палубе началась суета подготовки к сражению. Пока воины снаряжались и обслуживали оснащение, я переместился в пространственное хранилище, подаренное отцом. Там я взял гримуар, боевой жезл, наручи иллюзиониста и мантию звезд. Увы, ничего лучше мне для боя не сгодится. Из вспомогательного я прихватил несколько ожерелий с алыми бусинами, которые, при метании в цель, вспыхивают огненными шарами.

К наступлению темноты корабль коснулся пристани. Сквозь мрак доносился плач и хныканье. В воздухе повис запах смрада и мертвых тел. Изредка тьма разрывалась светлячками из языков огня, оставшихся в местах поджога или на огарках пепелища. Холодно, ветра обвивали постройки у края острова.

Первыми покинули борт телохранители. Отборный десяток воинов выстроился стеной щитов. Я ступил следом.

Я бродил глазами в поисках опасности, проговаривая про себя слова заклятья. По телу тут же прошла волна тепла, усиливающая мою и без того немалую мощь.

- Вперед. - Рука потянулась в пустоту, откуда медленно выплыла черная сабля-шамшир. Теневой клинок приятно лежал в ладони, нежась в объятьях пальцев. - Идем к начальнику стражи.

Слова нового заклятья сложились в короткий напев. В небе открылся разлом, откуда вылетела красная птица, похожая на ласточку. Алый стриж, один из множества моих фамильяров. На мгновение птица исчезла высоко в небе, чтобы тут же превратиться в облако из сотен таких же стрижей.

В голову постучался участливый тоненький голосок:

- Хозяин, давно не виделись. - Алый стриж приземлился на правый рог. - Мои братья разведывают вам безопасный путь.

- Это очень любезно с вашей стороны. - Перехватив шамшир, я двинулся вперед.

На пути к дворцу стражи нам встречались как подданные отца, так и рабы. Жители прятались в домах, боясь зажечь огни ламп, тогда как вероломные невольники рыскали по жилищам, размахивая факелами.

На одной из улиц, окруженной кишкой из невысоких домов, отряд из гноллов, багбиров и гоблинов раздевал визжащих девушек. Девушки не из дженази. Невольницы.

- Непростительно. - Шамшир сжался в руке. - Убить.

Веское слово прикончило рабов. Телохранители разделились. Половина сорвалась в бег, воины смели мерзавцев. Когда противник заметил нападение, я уже заканчивал колдовать. Дженази отступили с оголенными девушками, чтобы не дать тем попасть в зону испепеляющего света.

Сквозь сжатые челюсти я окончил напев. Рука махнула в сторону рабов, которых тут же окутало сияние.

Они не успели вскрикнуть. Спустя мгновение их обугленные тела рухнули на камень дороги.

Я бросил телохранителям, чтобы те упрятали куда-нибудь рабынь. Когда воины закончили

исполнять приказ, мы отправились дальше.

Немногие отважились противостоять нам в открытом бою. Группы восставших, только завидев нас, бросали оружие. Это не отвняло их едких комментариев по типу того, как с нами расправится главная сила освободительной армии. Но это забавляло. Пленников связывали вместе и оставляли на дороге, чтобы не терять больше времени.

Чем ближе мы подходили к дворцу стражи, тем сильнее несло гарью. И тем жарче становилось. Когда отряд вышел к площади-плацу, где проводились парады и смены караула защитников города, на месте главного здания чернел сгоревший остов строения. Мы опоздали, помощи ждать неоткуда.

Кулаки сжались до боли. Я выпустил тяжелый вздох, покручивая в воздухе шамшир. Мгновение спустя сабля улетела в темноту. Попал.

<http://tl.rulate.ru/book/116168/4565358>